

В. С. Степин¹

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ПОИСК НОВЫХ СТРАТЕГИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Великие достижения цивилизации часто возникали при взаимодействии различных культурных традиций. Греческое «чудо» было обусловлено встречей античных традиций и восточных культур. Греческая математика возникла как результат синтеза античной философии и логики с достижениями математики Египта и Вавилона. Грандиозные трансформации европейской культуры в эпоху Ренессанса были вызваны пересечением достижений христианской культуры и открываемой заново в эту эпоху культурой Античного мира.

В наше время глобализации создаются новые перспективы взаимодействия культур. И от того, как будут осуществляться эти взаимодействия, зависят судьбы цивилизации.

Изменения оснований культуры, ее базисных ценностей означают смену стратегий цивилизационного развития. В современную эпоху это обстоятельство приобретает особый смысл. Ускоренные социальные изменения остро ставят проблему выбора путей развития современной цивилизации. И если этот выбор будет связан с новыми стратегиями развития, то неизбежно возникает вопрос о базисных ценностях современной цивилизации и радикальных трансформациях ее культуры. Такого рода трансформации могут привести к новому типу цивилизационного развития.

Типы цивилизационного развития и их базисные ценности

В истории человечества после того, как оно перешло от периода варварства к эпохе цивилизации, можно выделить два типа цивилизационного развития — исторически первый *традиционалистский тип* и второй, который часто называют *западным* по региону возникновения. В настоящее время последний тип представлен не только странами Запада. Я называю эту цивилизацию *техногенной*, поскольку в ее развитии решающую роль играют постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций. Большинство тех цивилизаций, которые в свое время выделил и описал А. Тойнби, принадлежало к традиционалистскому типу.

В последние годы я подробно анализировал и писал о различии этих двух типов цивилизационного развития, поэтому ограничусь лишь тезисным изложением своей концепции. При стандартном цивилизационном подходе акцент сделан на различии цивилизаций. Конечно, традиционные культуры Китая, Индии, Античности, европейского Средневековья имеют ярко выраженную специфику. И все же в них можно выделить инвариантные черты, характеризующие традиционалистский тип развития. Точно так же можно выделить общие признаки различных цивилизаций техногенного типа.

¹ Академик РАН, научный руководитель Института философии РАН (Москва), и. о. академика-секретаря Бюро Отделения общественных наук РАН, доктор философских наук, профессор. Член Совета по анализу критических ситуаций и проектов правительственных решений при Правительстве РФ.

Автор более 270 научных работ, в том числе 17 книг: «Становление научной теории», «Философская антропология и философия науки», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание» и др. Член редколлегии журналов «Вопросы философии», «Человек», Journal for General Philosophy of Science (ФРГ).

Член Национальной академии наук Белоруссии, Национальной академии наук Украины, действительный член Международного института (академии) философии (Париж), почетный доктор Университета г. Карлсруэ (Германия).

Техногенная цивилизация начала формироваться в европейском регионе примерно в XIV–XVI столетиях. В эпоху Ренессанса, Реформации и Просвещения сложилось ядро ее системы ценностей. Оно включало особое понимание человека и его места в мире. Это прежде всего представление о человеке как деятельном существе, противостоящем природе, предназначение которого состоит в преобразовании природы и подчинении ее своей власти. С таким пониманием человека органично связано осознание деятельности как процесса, направленного на преобразование объектов и их подчинение человеку.

Можно констатировать, что ценность преобразующей, креативной деятельности характерна только для техногенной цивилизации, но ее не было в традиционных культурах. Последним было присуще иное понимание, выраженное в знаменитом принципе древнекитайской культуры У-Вэй, который провозглашал идеал минимального действия, основанного на чувстве резонанса ритмов мира. Этот принцип был альтернативен идеалу преобразующего действия, основанному на активном вмешательстве в протекание природных и социальных процессов. Он ориентировал не на преобразование внешней среды, а на адаптацию к ней. Традиционные культуры никогда не ставили своей целью преобразование мира, обеспечение власти человека над природой. А в техногенных культурах такое понимание доминирует. Оно распространяется не только на природные, но и на социальные объекты, которые становятся предметами социальных технологий.

При характеристике базисных ценностей техногенных культур можно выделить понимание природы как неорганического мира, который представляет особое, закономерное упорядоченное поле объектов, выступающих материалом и ресурсами для человеческой деятельности. Предполагалось, что эти ресурсы безграничны и человек имеет возможность черпать их из природы неограниченно. Противоположностью этим установкам было традиционалистское понимание природы как живого организма, малой частичкой которого является человек.

В системе доминирующих жизненных смыслов техногенной цивилизации особое место занимает ценность инноваций и прогресса, что тоже отсутствует в традиционных обществах. Здесь уместно напомнить древнее китайское изречение, которое в современном прочтении звучит примерно так: «Самая тяжелая участь — это жить в эпоху перемен». А для нашей цивилизации изменение и прогресс становятся самоценностью. Современная цивилизация подобна двухколесному велосипеду, который устойчив лишь в том случае, когда движется, а как только остановится — упадет. Инновации здесь — главная ценность, чего не было в традиционных культурах, где новшества всегда ограничивались традицией и маскировались под традицию.

Идея прогресса тесно связана с особым представлением о времени и его переживании. В традиционных культурах доминирует представление о циклическом времени («все возвращается на круги своя»). Золотой век там всегда в прошлом, в эту эпоху жили герои, спасители, мудрецы, оставившие священные книги и заповеди, по которым должна строиться справедливая жизнь. В техногенной культуре доминирует иное понимание: время необратимо, и стрела времени направлена из прошлого к будущему. Причем в соответствии с идеей прогресса будущее представляется как лучшая, по сравнению с настоящим, жизнь. Золотой век — в будущем (кстати, в русле именно этого

понимания формировалась идея коммунизма как подлинно гуманистического этапа человеческой истории).

Успех преобразующей деятельности, приводящей к позитивным для человека результатам и социальному прогрессу, рассматривается в техногенной культуре как обусловленный знанием законов изменения объектов. Такое понимание органично связано с приоритетной ценностью науки, которая дает знание об этих законах. Научная рациональность в этом типе культуры выступает в системе человеческого знания доминантой, оказывает активное воздействие на все другие его формы.

Необходимо также сказать о ценности активной суверенной личности. В традиционалистских культурах личность определяется прежде всего через ее включенность в строго определенные (и часто заданные от рождения) семейно-клановые, кастовые и сословные отношения. Здесь являться личностью означает быть частью клана, касты, сословия. В техногенной цивилизации доминирует иное понимание: в качестве ценностного приоритета утверждается идеал свободной индивидуальности, автономной личности, которая может включаться в различные социальные общности и обладает равными правами с другими. Именно в контексте этого понимания формируется идея прав человека.

Наконец, среди ценностных приоритетов техногенной культуры можно выделить особое понимание власти и силы. Власть здесь рассматривается как господство человека не только над человеком (это есть и в традиционных обществах), но и прежде всего над объектами. Причем последними выступают как природные, так и социальные объекты, на которые направлено силовое воздействие с целью господства над ними. Они становятся объектами властного манипулирования.

Из этой системы ценностей «вырастают» многие другие особенности культуры техногенной цивилизации. Эти ценности выступают своеобразным геномом техногенной цивилизации, ее культурно-генетическим кодом, в соответствии с которым она воспроизводится и развивается.

Техногенные общества после возникновения начинают воздействовать на традиционные цивилизации, заставляя их видоизменяться. Иногда эти изменения становились результатом военного захвата, колонизации, но чаще — итогом процессов «догоняющей» модернизации, которую были вынуждены осуществлять традиционные общества под давлением техногенной цивилизации. Например, Япония после реформ Мэйдзи встала на путь техногенного развития. Таково было и направление развития России, которая испытала несколько модернизационных эпох, основанных на «трансплантации» западного опыта. Наиболее крупные из них — реформы Петра I и Александра II. Преобразования в нашей стране после Октябрьской революции также можно рассматривать как особый вид «догоняющей» модернизации. Она была ответом на исторический вызов — провести ускоренную индустриализацию страны.

Советский социализм и западный капитализм более полувека конкурировали как два различных варианта, две стратегии развития техногенной цивилизации. Их противостояние не исключало взаимного влияния. Изменение капитализма во второй половине XX века и создание в Европе и Северной Америке социальных государств в определенной степени были связаны с влиянием советского опыта повышения уровня жизни за счет роста общественных фондов потребления (бесплатных образования и медицины, предоставления общественного жилья и т. п.). Объединив высокий уровень индивидуальной оплаты труда с увеличением потребления из общественных фондов, Запад получил, наряду с другими выгодами, также преимущество в идеологическом соперничестве.

Техногенная цивилизация пережила несколько этапов своей эволюции — доиндустриальный, индустриальный — и в конце XX века вышла на новый этап — постиндустриального развития. На этом этапе техногенная цивилизация начала новый цикл своей экспансии в различные страны и регионы планеты. Техногенный тип развития в значительно большей степени, чем традиционалистский, унифицирует общественную жизнь. И то, что мы называем сегодня процессом глобализации, является продуктом экспансии именно техногенной цивилизации. Она внедряется в различные регионы мира, прежде всего через технико-технологическую экспансию, вызывая целые эпохи модернизации традиционных обществ, переводя их на рельсы техногенного развития. Модернизация перерастает в современные процессы глобализации.

Локальные модернизации начались в преддверии индустриальной эпохи и затем интенсивно протекали на этапе индустриализации. Они всегда начинались с заимствования технологических достижений (промышленных и военных технологий). В свою очередь это сопровождалось «трансплантацией» ряда других ценностей техногенной культуры, прежде всего науки и новой системы образования. Под их влиянием происходило изменение традиционной культуры, возникали новые образцы городской жизни и стереотипы поведения. Все эти трансформации не сразу меняли традиционные общества. В них длительное время сохранялись пласты традиционной культуры и архетипы традиционалистского сознания, регулирующие социальную жизнь. Так разрывались процессы модернизации в Японии, Индии, Китае, странах Латинской Америки. Эти процессы отчетливо прослеживаются и в истории России.

Столкновение двух типов культур — западных трансплантаций и традиционных образцов — сопровождалось взаимной адаптацией, которая определяла развитие российской культуры. Я напому высказывание А. Герцена, что на реформы Петра I Россия ответила более чем через столетие гением А. Пушкина. Н. Бердяев отмечал, что золотой век русской культуры, как и Серебряный, были ответом России на реформы Петра I.

В процессах модернизации, которые осуществлялись в прединдустриальную и индустриальную эпохи, культура техногенных обществ позиционировала себя в соответствии с идеалом прогресса — как символ более высокой ступени развития по сравнению с традиционными культурами.

До второй половины XX века сама идея прогресса и ее жесткая связь с ценностями техногенной цивилизации не ставились под сомнение. Эта цивилизация дала человеку много достижений: науку и новые технологии, улучшение качества жизни, продление жизни, образование, развивающиеся креативные способности личности. Но она «порodiла» и две мировые войны, орудие массового уничтожения, обозначившие реальную возможность гибели человечества, привела к глобальным кризисам.

Проблема новых ценностей и современный диалог культур

Глобальные кризисы остро ставят вопрос о стратегиях цивилизационного развития. Большое количество сценариев будущего человеческой цивилизации можно распределить между двумя полярными стратегиями. Первая из них основана на пролонгации техногенного типа развития без кардинального изменения его базисных ценностей. Вторая предполагает радикальную трансформацию этих ценностей. Здесь речь идет уже о переходе к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному.

Соответственно по-разному интерпретируются постиндустриальная эпоха и современные процессы глобализации. В рамках первого подхода постиндустриальное общество рассматривается как очередная ступень техногенной цивилизации. В рамках второго — как переходный период к новому типу цивилизационного развития.

Глобализация с позиций первого подхода выступает как процесс распространения ценностей техногенной культуры на все страны и регионы планеты. С позиций второго подхода современный тип глобальных процессов, связанных с формированием планетарной системы экономических, социально-политических и культурных взаимодействий разных стран, должен измениться, поскольку будут проблематизироваться ценности техногенной цивилизации. Диалог культур, о котором сегодня все говорят, приобретает особый смысл — поиска новых ценностей.

В настоящее время в процессах глобализации доминирует первая тенденция. Она направляет глобализацию в русло сценария «золотого миллиарда». На этот сценарий «работают»: а) современная организация мирового рынка; б) политические и военно-политические факторы, связанные с доминирующей ролью США; в) агрессивная «трансплантация» массовой культуры в различные страны и регионы планеты.

Массовая культура укоренялась в техногенных обществах в связи с преобразованиями повседневной жизни, вызванными урбанизацией, разрушением традиционалистских общинных отношений, распространением массовых форм образования. Стандартизация производства и потребления, возникновение индустрии детского воспитания, медицинского обслуживания, досуга и развлечения превратили массовую культуру в реальный регулятор повседневной жизни масс населения. Массовая культура вытесняет и трансформирует народную культуру, которая была основой социальной жизни в традиционных обществах.

Во второй половине XX века массовая культура стала не только выразителем, но и своего рода пропагандистом идеалов потребительского общества. Ее внедрение в культуру обществ, сохранявших самобытные традиции, создает угрозу утраты этой самобытности. Глобальная трансляция массовой культуры сегодня выступает особым средством утверждения ценностей техногенной цивилизации в западном варианте. Эти ценности связаны с образом жизни западного потребительского общества.

Идеалы демократии, прав человека, правового государства имеют общецивилизационный смысл. В них есть инвариантное содержание, которое репрезентирует особые технологии социальной регуляции. В плане этого содержания демократия, правовое общество, права человека выступают как цивилизационные завоевания, аналогичные цивилизационным достижениям освоения природы, таким как технологическое освоение электричества, лазерные и ядерные технологии и т. п. Но когда это общецивилизационное содержание соединяется с образцами жизнедеятельности, характерными для современного западного общества потребления, то оно может выполнять положительные регулятивные функции лишь в обществах со столь же высоким уровнем жизни.

Однако в современную эпоху к ним принадлежит только страны «золотого миллиарда». Так, 3 % населения Земли, проживающего в США, потребляют (по разным подсчетам) от 42 до 45 % мировой энергии и вместе с транснациональными корпорациями производят более 2/3 «грязных» выбросов в атмосферу, засоряющих окружающую среду (при этом большинство загрязняющих производств этих корпораций размещены в странах третьего мира). В этих условиях пропаганда западной демократии и прав человека под лозунгом «Делайте, как мы, и вы бу-

дете жить, как мы» — это просто лукавство. Когда указанные идеалы, интерпретированные в сочетании с образцами потребительского образа жизни Запада, внедряются в общества иного уровня, то они дестабилизируют их и встречают сопротивление, часто вырождаются в имитацию демократии.

В целом следует учитывать принципиально новое отношение к ценностям техногенной цивилизации, возникшее на современном этапе в ситуации обострения глобальных кризисов. Эти ценности проблематизируются и нуждаются в видоизменениях, что отмечается многими интеллектуалами Запада и Востока. Возникают новые аспекты взаимодействия культур. Важным становится нахождение точек соприкосновения, роста новых ценностей, порождающих мировоззренческие смыслы, которые могут быть восприняты различными культурами, в том числе сохранившими стереотипы традиционалистских ментальностей.

Принципиально важно обнаружить эти точки роста в различных сферах техногенной культуры: в политическом и правовом сознании, искусстве, религии, нравственности и главное — в характере научной и технологической рациональности. Главное, потому что научно-технологическое развитие выступает сердцевинной техногенной цивилизации, основой ее изменения и формирования новых состояний социальной жизни. Именно в научно-технологическом развитии тесно переплелись связи фундаментальных ценностей техногенной культуры: креативной деятельности, научной рациональности, отношения к природе как ресурсу для деятельности и основной сфере ее преобразующего влияния, понимания власти как контроля над природными и социальными объектами.

В современных философских и социальных исследованиях неоднократно высказывалась мысль о необходимости изменить стратегию нашего отношения к природе. Эти идеи разрабатывались еще в исследованиях Римского клуба. Известны также разработки экологической этики, в рамках которой наиболее радикальные направления провозглашают отказ от идеала господства человека над природой. Выдвигается альтернативный идеал, согласно которому мы не должны относиться с чувством превосходства к животным и растениям, видеть в них только средство нашего жизнеобеспечения. Эти мысли о новой этике имеют немало сторонников. Среди западных исследований я выделил бы работы Б. Калликота, Л. Уайта, Р. Аттфильда. В качестве первоисточника справедливо упомянуть об идеях А. Швейцера о благоговении перед жизнью.

В настоящее время предпринимаются попытки расширить понимание категорического императива, применить его не только в сфере нравственных отношений людей, но и в отношении человека к живой природе. Рассуждения о новом отношении к природе у большинства исследователей и интеллектуалов, отстаивающих идеи новой этики, сопровождаются ссылками на опыт традиционных восточных культур, бережное отношение к природе, свойственное традиционным обществам.

Но каковы возможности укоренения системы новых мировоззренческих образов и этических регулятивов в массовом сознании? Ведь они во многом ориентируют на созерцательное отношение к природе, свойственное скорее традиционным, чем техногенным культурам. Однако возврат к традиционалистскому типу развития невозможен. Он смог обеспечить жизненными благами лишь небольшую часть населения Земли. В эпоху Ренессанса, когда закладывались основы развития техногенной цивилизации, на планете жили примерно 500 млн человек, а сейчас — более 6 млрд. Без современных технологий невозможно даже минимальное жизнеобеспечение населения планеты. Кроме того, не следует забывать, что

бережное отношение к природе, благоговение перед ней в традиционных культурах сопрягались с определенным пренебрежением к человеку, жизнедеятельность которого по шкале ценностных приоритетов была на втором месте. Поэтому когда мы говорим о возможностях, потенциале восточных культур, отношение к нему должно быть избирательным, а свойственная западной цивилизации приоритетная ценность человека, его духа и его деятельности, судя по тенденциям постиндустриального развития, должна сохраниться, обретая новые измерения.

Я полагаю, что в будущем отношение человека к природе не будет сводиться к созерцанию и адаптации к ней. Человек по-прежнему будет видоизменять природу. Вероятно, преодоление экологического кризиса будет связано не с сохранением дикой природы в планетарном масштабе (что уже сегодня невозможно без резкого, в десятки раз, сокращения населения Земли), а с расширяющимся окультуриванием природной среды. В этом процессе важную роль будут играть не только природоохранные меры, направленные на сохранение тех или иных естественных локальных экосистем, но и созидание новых биогеоценозов, обеспечивающее необходимый уровень их разнообразия как условия устойчивости биосферы. Вполне возможно, что в этом благоприятном для человечества сценарии окружающая нас природная среда станет похожа на искусственно созданный парк или сад, который не сможет воспроизводиться без целенаправленной деятельности человека. И в этом будет состоять предназначение человека, который так изменил облик планеты, что стал реальной силой, определяющей сохранение биосферы. Эти идеи высказывали русские философы-космисты, в частности они были развиты в работах В. И. Вернадского.

В системе ценностей и мировоззренческих образов техногенной (западной) культуры вектор человеческой активности направлен вовне, на преобразование мира. Восточная традиционалистская система ценностей полагает человека включенным в организм природы, как бы растворенным в ней. В ней вектор человеческой активности ориентирован не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию.

Я думаю, что синтез этих двух противоположных представлений будет связан с корреляцией, взаимной зависимостью двух векторов. Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание.

Предпосылки такого синтеза возникают не только в связи с осознанием опасности экологической и антропологической катастрофы, угрозы грядущего апокалипсиса, стимулирующей поиск новых ценностей и этических регулятивов. Эти предпосылки порождаются также и современными тенденциями научно-технического развития.

В настоящее время на переднем крае науки и технологической деятельности формируется новый тип рациональности. Он связан с интенсивным научным и технологическим освоением принципиально новых типов объектов, представляющих собой сложные саморазвивающиеся системы. Этот тип системных объектов характеризуется развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому. Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровневой организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни. Причем каждый новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы. Вместе с тем перестраива-

ется блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей.

На каждом этапе своей исторической эволюции саморазвивающаяся система сохраняет открытость, обмен веществом, энергией и информацией с внешней средой. Но характер этой открытости модифицируется со сменой типа самоорганизации, адаптирующей систему к окружающей среде. Изменения типа самоорганизации — это качественные трансформации системы. Они предполагают фазовые переходы. На этих этапах прежняя организованность нарушается, рвутся внутренние связи системы, и она вступает в полосу динамического хаоса.

На этапах фазовых переходов в состоянии динамического хаоса возникает спектр возможных направлений развития системы. В некоторых из них возможно упрощение системы, ее разрушение и гибель в качестве сложной самоорганизации. Но вероятны и сценарии возникновения новых уровней организации, переводящие систему в качественно новое состояние саморазвития. Из динамического хаоса возникает новый порядок (И. Пригожин).

К саморазвивающимся системам относятся: биологические объекты, рассматриваемые в аспекте не только их функционирования, но и развития; объекты современных нано- и биотехнологий, прежде всего генетической инженерии; системы современного проектирования, когда учитывается не только та или иная технико-технологическая система, но и более сложный развивающийся комплекс: человек — технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию, и весь этот комплекс рассматривается в развитии. К саморазвивающимся системам относятся современные сложные компьютерные сети, предполагающие диалог «человек–компьютер», Интернет. Наконец, все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем.

К исследованию таких систем во второй половине XX века вплотную подошла и физика. Долгое время она исключала из своего познавательного арсенала идею исторической эволюции. Но во второй половине XX века возникла иная ситуация. С одной стороны, развитие современной космологии (концепция Большого взрыва и инфляционная теория развития Вселенной) привело к идее становления различных типов физических объектов и взаимодействий. Появилось представление о возникающих в процессе эволюции различных видах элементарных частиц и их взаимодействий как результата расщепления некоего исходного взаимодействия и последующей его дифференциации. С другой стороны, в разработку идеи эволюционных объектов внесла свой вклад термодинамика неравновесных процессов (И. Пригожин) и синергетика. Взаимовлияние всех этих направлений исследования постепенно инкорпорирует в систему физического знания представления о самоорганизации и развитии.

Среди исторически развивающихся систем современной науки особое место занимают природные комплексы, в которые в качестве компонента включен сам человек. Примерами таких «человекообразных» комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом (глобальная экология), объекты биотехнологии (в первую очередь генетической инженерии), системы «человек–машина» (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта) и т. д.

При изучении «человекообразных» объектов поиск истины связан с определением возможных направлений преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. С системами такого типа нельзя свободно экспериментировать. В процессе их

исследования и практического освоения особую роль играет знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие катастрофические последствия.

В связи с этим трансформируется идеал ценностно-нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекообразным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных (поиск истины, рост знаний) и внеаучных ценностей общесоциального характера. В современных программно ориентированных исследованиях эта экспликация осуществляется в ходе социально-этической экспертизы программ. При изучении «человекообразных» систем исследователю приходится решать ряд проблем этического характера, определяя границы возможного вмешательства в объект. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, в этих условиях постоянно соотносится с общегуманистическими принципами и ценностями.

Требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой ее реализации. Стратегия деятельности с саморазвивающимися системами неожиданным образом порождает переключку между культурой западной цивилизации и традиционными восточными культурами. Здесь можно выделить три основных момента¹.

Во-первых, восточные культуры (как и большинство традиционалистских культур) всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, — это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепахивать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к подобным идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления в определенном смысле начинают резонировать с органистическими образами природы, свойственным и древним культурам.

Во-вторых, объекты, которые представляют собой развивающиеся «человекообразные» системы, требуют особых стратегий деятельности. Эти системы наделены синергетическими характеристиками, в них важную роль играют несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития.

Установка на активное силовое преобразование объектов при взаимодействии с такими системами не всегда является эффективной. При простом увеличении внешнего силового давления система может воспроизводить один и тот же набор структур и не порождать новых структур и уровней организации. Но в состоянии неустойчивости

небольшое воздействие в точках бифуркации — «укол» в определенном пространственно-временном локусе — часто способно порождать (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации². Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, которые были развиты в индийской культурной традиции, а также деяния в соответствии с древнекитайским принципом У-Вэй³.

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными, «человекообразными» системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики. Когда Сократа спросили, как жить добродетельно, он отвечал, что сначала надо понять, что такое добродетель. Иначе говоря, истинное знание о добродетели задает ориентиры нравственного поведения.

Принципиально иной подход характерен для восточной культурной традиции. Там истина не отделялась от нравственности, и нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Иероглиф «дао» в древнекитайской культуре обозначал закон, истину и нравственный жизненный путь. Когда ученики Конфуция спрашивали у него, как понимать *дао*, то он давал разные ответы, поскольку каждый из его учеников прошел разный путь нравственного совершенствования.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и имманентно включает рефлексию над ценностями в процессы научного поиска, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам.

Сказанное, конечно, не означает, что тем самым признается ценность рациональности, которая всегда имела приоритетный статус в западной культуре. Сегодня изменяется тип научной рациональности, но она остается необходимой для понимания и диалога различных культур, который невозможен вне рефлексивного отношения к их базисным ценностям. Рациональное понимание делает возможной позицию равноправия всех «систем отсчета» (базовых ценностей) и открытости различных культурных миров для диалога. В этом смысле развитые в лоне западной культурной традиции представления об особой ценности научной рациональности остаются важной опорой в поиске новых мировоззренческих ориентиров, хотя сама рациональность в современном развитии обретает новые модификации. Сегодня во многом теряет смысл ее жесткое противопоставление многим идеям традиционных культур.

Таким образом, на переднем крае научно-технологического развития в связи с освоением сложных саморазвивающихся систем возникают точки соприкосновения, роста новых ценностей и мировоззренческих ориентаций, которые открывают новые перспективы для диалога культур. Этот диалог необходим для выработки новых стратегий жизнедеятельности глобализирующегося человечества, для выхода из глобальных кризисов, порожденных современной техногенной цивилизацией.

² Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1990. С. 6–7.

³ Древнекитайская притча о «мудреце», который, пытаясь ускорить рост злаков, начал тянуть их за верхушки и в итоге вытащил из земли, наглядно иллюстрирует, к чему может привести нарушение принципа У-Вэй.

¹ Подробнее см.: *Stepin V. Theoretical Knowledge // Synthese Library. Dordrecht, 2005. Vol. 326. P. 357–369.*